

В. Е. Чернявская V. E. Tcherniavskaya
Санкт-Петербург, Россия St-Petersburg, Russia

**ПОЛИТИЗАЦИЯ ИСТОРИИ
КАК СТРАТЕГИЯ СОЗДАНИЯ
НОВОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ
ИДЕНТИЧНОСТИ:
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ**

**POLITICIZED HISTORY
AS A STRATEGY OF CONSTRUCTING
A NEW NATIONAL IDENTITY:
LINGUISTIC ANALYSIS**

Аннотация. Рассматривается проблема моделирования исторического прошлого в системе политического дискурса. Показывается языковой модус истории, т. е. зависимость исторического нарратива от национальных, политических, идеологических установок автора. Политизация исторического прошлого, создание образа врага может способствовать превращению национального дискурса в националистический. Лингвистический анализ базируется на описании Великой Отечественной войны в публикациях украинских историков 2000-х гг.

Abstract. This article undertakes an analysis of textual construction of the Past in political discourse. It is contended that history has its linguistic/textual modality. The ways in which writing of the past is actualized in texts depends on national, political, ideological values of the author. Politisation of the past, creation of the image of the enemy may turn the national discourse into a nationalistic one. Linguistic interpretation covers publications of modern Ukraine historians about the Great Patriotic War of 1941—45.

Ключевые слова: исторический дискурс; политический дискурс; моделирование истории; языковой модус исторического описания; манипуляция; фальсификация истории.

Key words: historical discourse; political discourse; history construction; linguistic turn in history construction; manipulation; falsification of history.

Сведения об авторе: Чернявская Валерия Евгеньевна, доктор филологических наук, профессор, заведующий научно-исследовательской лабораторией лингвистических технологий.

About the author: Tcherniavskaya Valeria Evgenyevna, Doctor of Philology, Professor, Head of the Scientific Laboratory of Linguistic Technologies.

Место работы: Национальный исследовательский Санкт-Петербургский государственный политехнический университет.

Place of employment: St-Petersburg State Polytechnical University.

Контактная информация: 195251, г. Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29.
e-mail: tcherniavskaia@rambler.ru.

Объект анализа статьи — политическое присвоение истории, т. е. моделирование исторического прошлого в интересах политики. Сфокусированный на этом анализ вписывается в широкую проблематику взаимодействия языка и идеологии.

Центральным в рамках данной темы является понятие «политика», трактуемое обычно широко как борьба за организацию человеческих возможностей, как вид коллективной деятельности в области властных отношений, борьбы за (пере)распределение влияния в контексте исторических возможностей (ср., напр.: [Лебедев 2008: 300]). Соответственно политика предполагает разграничение тех сущностных категорий или полярных понятий, с опорой на которые она идентифицируется как особая форма человеческой практики. Такое основное «политическое различие» было предложено в XX в. немецким философом и мыслителем Карлом Шмиттом. Если для научности существенно разграничение истины и заблуждения, для религиозности — спасения и греха, для

этического — добра и зла, для эстетического — прекрасного и безобразного, для социального — общего и частного интереса, для экономики — доходного и убыточного, то для определения политического К. Шмитт предложил понятия «друг» и «враг». Они позволяют определить, вокруг кого концентрируется власть и против кого она направляется. Основное «политическое различие» есть различие борьбы за друга («amicus») и врага («hostis»). Политический враг не обязательно должен быть морально злым, эстетически безобразным. Политический враг, как пишет К. Шмитт, есть именно иной, чужой, и для существа его достаточно, что он есть нечто иное и чужое. Речь идет об объединении общих интересов для ослабления, разрушения чужих союзов. В таком понимании «политическое» восходит еще к размышлениям Платона в его «Государстве», где справедливая политика понимается как искусство приносить пользу друзьям, а врагам причинять вред.

И для исторического дискурса, и для дискурса политики в значительной степени

характерно противопоставление как минимум двух версий описания действительности: «того, что было на самом деле» и «того, что написано в учебниках»; «того, что было на самом деле» и «того, что представляется как бывшее на самом деле». При этом принципиально значимо, что множественность, вариативность смыслов и оценок в конструировании исторической реальности порождается как минимум на двух уровнях.

Во-первых, вербализованная реальность, т. е. реальность, сконструированная средствами языка, не тождественна самой реальности как последовательности фактов, событий, явлений.

Во-вторых, множественность оценок может создаваться индивидуально автором сообщения, а значит, быть интенционально обусловленной и зависеть от психологических, социальных, религиозных, этнических, идеологических факторов.

Специфика этого взаимодействия нуждается в дополнительном углубленном изучении и остается во многом открытой для исследований.

Свойственная историческому описанию множественность, вариативность интерпретаций действительности, постоянная динамика и взаимопереходы определений «действительное — фиктивное» умножаются за счет доминирующих в политике установок на воздействие. В институциональном пространстве политики активно создаются предпосылки для конструирования особой «политической реальности», когда представление и восприятие какого-либо фрагмента действительности неотделимо от оценочного отношения к нему. Политический дискурс создает, таким образом, особую ситуацию «политического присвоения истории». Политизированная история при этом не тождественна понятиям сознательной фальсификации, диффамации, демагогии, пропаганды и не сводима к ним. Это сложный многоуровневый феномен, показывающий производность фактов от их описания и оценки, а самого описания — от идеологически обусловленных интенций автора. Именно в политике определяющее значение получает идеологическое разделение на свое и чужое, лежащее в основе множественности интерпретаций действительности. Политика существует в системе бинарных оппозиций. По мнению С. Т. Золяна, «система оппозиций в социальной системе — это ценностно организованная система, и любое понятие описывается в ней прежде всего как оценочное: свое — чужое, плохое — хорошее. ... Язык такой системы вместо слов, отсылающих к конкретному референту,

представляет собой скорее набор эмоционально окрашенных этикеток, диктующих позицию, которую надо (нельзя не) занять. При использовании такого языка не надо вникать в ситуацию — сама номинация предполагает, кто прав, кто нет. ... Действует однозначная корреляция: „мы — они“, „свои — чужие“, „хорошее — плохое“, „кто не с нами — тот ...“ [Золян 1999: 83].

Закономерен вопрос о прикладном значении подобного языкового анализа. В какой мере лингвист может судить об исторически объективном или же тенденциозном изложении исторического прошлого?

Наши выводы строятся на анализе, который осуществляется именно как лингвистический, точнее — текстоцентрический анализ. Он не претендует на то, чтобы подменить специальный анализ историков. Одновременно с этим нами не ставится цель свести все операции, в том числе манипуляции с исторической действительностью, только и именно к языковому. Лингвистический анализ способен, с нашей точки зрения, создать особый ракурс рассмотрения проблемы, сфокусировать внимание на фундаментальном для гуманитарного знания вопросе о том, насколько реальность заменяется ее описанием.

Аксиологическая природа описания истории очевидна и принимается как исходная в лингвистическом анализе. Это значит, что в основе выбора языковых единиц для описания истории лежит аксиологическая оценка. Имеет место ориентированность на определенную систему национальных, политических, идеологических, религиозных ценностей. Допуская множественность этих ценностей, следует допустить их конфликт и соответственно конфликт описаний исторической действительности. Упомянем работы ведущих исследователей данной тематики: [Мегилл 2007; Медушевская 2010; Kuettler 1990; подр.: Чернявская, Молодыхенко 2014]. В такой постановке вопрос имеет четко очерченную лингвистическую перспективу.

Повторим ключевой тезис: политика сознательно порождает и поддерживает дискурсивные практики, в которых национальные, этнические, культурные, профессиональные, любые личностные вопросы начинают выполнять политические функции, т. е. участвовать во властных отношениях. Публичное столкновение «своего» и «чужого» необходимо политике. Политика актуализирует историческое прошлое для публичного столкновения с врагом, превращая историю в идеологию, обслуживающую разные политические проекты.

Политика заинтересована в порождении и эскалации таких дискурсивных практик, которые политизируют культурные, профес-

сиональные, национально-этнические вопросы и формы активности человека. В политической науке, как известно, существует специальный термин «*homo politicus*» для обозначения модели «общественного человека». В центре политической социализации — тема личности, главным мотивом деятельности которой является стремление реализовать себя в политической функции: «Главный тезис: в политике люди „не живут“, а „выполняют политические функции“ — очень важен для характеристики политического как над-человеческого, над-культурного и даже над-профессионального» [Лебедев 2008: 304]. Такой акцент становится существенным в предлагаемом анализе.

Надличностный и надпрофессиональный характер политической практики максимально усложняет проблему неоднозначной многовариантной интерпретации истории, исторического прошлого. К онтологическим, источниковедческим, мировоззренческим основаниям этой проблемы политика прибавляет свою идеологическую грань, создавая особый модус формулирования исторического текста, в котором содержательная составляющая подчинена ценностной.

Из длинного ряда возможных примеров остановимся на историческом описании Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Эти события в силу сплетения многих государственных, экономических, военных факторов объективно — онтологически — содержат основания для различных, в том числе противоположных интерпретаций. Величайшие человеческие трагедии, приведшие к конфликту этических нравственных норм в человеческом сознании, безусловно порождают различные ценностные основания для оценки событий Великой Отечественной войны. Очевидно, что события военного прошлого конструируются на основе разных мировоззренческих, нравственных ценностей и различной социальной ориентации исследователя. К этому перечню факторов добавилось и «национальное» видение войны после распада Советского Союза и общей советской идеологии. После образования независимых государств, стремящихся обрести и утвердить свою новую идентичность, история становится особым фактором идеологических манипуляций. Иное моделирование исторического прошлого может выступать как стратегия моделирования иной — новой — государственной идентичности и в целом как стратегия дистанцирования от общего исторического прошлого.

Образ Великой Отечественной войны, как очевидно исследователям, складывается из описания выдающихся военных операций

и безусловных побед, огромных ошибок и некомпетентности военного и государственного руководства СССР, из описания миллионных жертв и мученических страданий людей. Это — исторический плюрализм и необходимая многовариантность интерпретаций, создающая историческую достоверность и правдивость.

Одновременно с этим историчность описания может выходить за пределы объективности в смысле социально-исторической реконструкции «духа времени» и превращаться в предвзятую модернизацию при обработке исторического материала.

Примечательный пример дает книга украинского историка Александра Гогуня «Сталинские командос. Украинские партизанские формирования. 1941—1944» (М.: Росспэн, 2012). Она отчетливо маркируется автором как историческая монография, как научный труд. Указывается, что монография написана при поддержке Фонда К. Аденауэра, Центра исследований холокоста и геноцида в Амстердаме и Гарвардского института украинистики, во введении содержатся благодарности историкам, с опорой на труды которых написана работа (27 имен). Автор указывает, что «следует общенаучным методам синтеза и анализа, индукции и дедукции, соблюдает принцип историзма» [Гогун 2012: 10].

Объектом исследования является советская партизанская война на территории Украины в 1941—1944 гг. Цель исследования — ответить на вопрос, в чем проявлялась «советскость» украинских партизан [Там же: 8]. При отборе материала особое значение уделено истории деятельности партизан Сидора Ковпака и Алексея Федорова. Определение «партизанский отряд, партизан» А. Гогун применяет только по отношению к тем, кто «определены в качестве партизан советской стороной и значительный период войны находившиеся на связи с руководящими центрами. Именно эти люди были „обозначены высшей партийной номенклатурой в качестве образцовых советских людей...“» [Там же: 24]. Советским или украинским партизанам противопоставлены «украинские повстанцы» — два массовых антисоветских партизанских движения: Украинская повстанческая армия (УПА) и польская Армия крайова.

Заявленная цель исследования неоднократно артикулируется автором: «...развенчание мифа о партизанском движении на Украине во время Великой Отечественной Войны», «привлечение внимания к малоизученным аспектам партизанской войны» [Там же: 8], дополнение «наиболее профессиональных работ по истории советской партизанской

борьбы, изданных в последнее время в Украине» [Там же: 6].

Структура книги последовательно выражает концепцию автора о том, что партизанские отряды на Украине были спецподразделениями НКВД, нацеленными на «безоглядное применение тактики выжженной земли, умышленное провоцирование репрессий оккупантов против мирных жителей, уничтожение своих же деревень, дополнявшееся повседневным разбоем, пьянством, развратом и насилием, употреблением допинга, оперативным использованием оружия массового поражения и, наконец, людоедством» (аннотация к книге [Там же: 4]).

Вся содержательная прогрессия книги А. Гогуня основывается на однозначной, ясно эксплицированной негативной оценке партизанского движения и развивается от одного оценочного блока к другому в описаниях жестокости, бандитизма, морального разложения партизан.

Книгу характеризует особый подбор источниковой базы: практически все свидетельства, подобранные автором, — это документы и сводки немецкого СД, мемуары членов СД, нацистских организаций, службы безопасности украинских националистов, Украинской повстанческой армии, Организации украинских националистов (ОУН). Все они перечислены в приложении к книге. Они, как пишет Гогун, «недоступны для историков в РФ» [Там же: 11] и «должны способствовать открытию новых исторических фактов». Эта источниковая база вводится в изложении автора как опровержение «советских штампов», как контраргумент к тезису официальной истории о значительных успехах и освободительной роли партизан.

Наш анализ языковой структуры книги подводит к следующему выводу: читателю представлено оценочное конструирование действительности. Исторический анализ подменяется оценкой.

В текстовой ткани очевидно преобладают языковые единицы с семантикой «преступные действия», «антигуманные действия».

Приведем наиболее типичные, регулярно повторяющиеся примеры. Раздел книги 3.3. «Террор»:

– В данной работе террор трактуется как убийство или причинение физического ущерба невооруженным людям, не оказывающим сопротивления. Уничтожение и ранение в бою солдата Вермахта, полиция или бойца УПА являлось не террором, а результатом ведения боевых действий [Там же: 200];

– Первой ... известной акцией террора можно считать проведенный по Полтав-

щине в октябре-декабре 1941 г. карательный рейд партизанского отряда Ивана Копенкина, до войны занимавшего должность оперуполномоченного НКВД. ... Его партизаны расстреливали мирных жителей, лояльно настроенных к немцам, глубоко верующих людей или служителей религиозных культов, а также солдат, отпущенных немцами из плена. Расстреливаемые были в возрасте от 14 лет и старше;

– Действуя вполне в духе традиции ленинско-сталинского террора, красные партизаны уничтожали кулаков;

– Истребление лояльных к немцам граждан оставалось одним из значимых заданий партизан до самого конца войны;

– Периодически партизаны совершали убийства этнических немцев... Установки на выборочное убийство бывших врагов исходили с самого верха...;

– Проведение репрессий нередко сопровождалось пытками — с целью устрашения остальных врагов, получения сведений при допросах, а также из-за обыкновенного садизма...;

– О распространенности партизанских пыток писал Хрущеву литератор Н. Шеремет...;

– Можно сказать о еще одном виде партизанского террора... Речь идет об убийствах, совершенных на личной почве. ... В годы войны появился соблазн радикально свести старые счеты... Бывший глава местного колхоза, став во время войны партизаном, убивал людей в ходе банальных ссор... [Там же: 202—203].

Языковой анализ позволяет сделать следующие общие выводы.

Первое. Образ партизанского движения создается исключительно за счет языковых средств с пейоративной семантикой криминальных, преступных действий. Это глаголы со значением антигуманных и противоправных действий: *расстреливать, уничтожать, истреблять, совершать убийство, убивать*; существительные: *убийство, акция террора, карательный рейд, пытка, казнь, садизм, устрашение* и т. п. Пейоративная семантика доминирует. В упоминаемом здесь разделе книги 3.3 [Там же: 200—231] насчитывается 369 подобных словоупотреблений, т. е. в среднем 10—12 единиц на страницу!

Аналогичный образ советского партизана создается такими же языковыми приемами и средствами в других разделах книги. Например, в разделе 6 «Дисциплинарные нарушения в партизанских отрядах» [Там же: 390—434], по нашим подсчетам (не претендующим на статистическую точность), использовано около 390 языковых единиц,

создающих в своей совокупности семантическое поле «преступные действия». Основные из них: *разврат, пьянство, мародерство, половая распущенность, изнасилование, разбой, вымогательство, личная нажива, реквизиция, бандитизм* и др.

Примечательно, что эти языковые единицы используются в сочетании с генерализующими определениями, т. е. в таких сочетаниях, которые создают эффект многократно повторяющихся, типичных действий, например: «совместные попойки командиров партизанских отрядов», «массовое вымогательство», «повсеместные избиения», «масштабы выдачи алкоголя в партизанских отрядах были большими», «начальство охотно и всегда попустительствовало разбою» и т. п.

Семантика генерализации усиливается композиционной организацией: разделы книги заканчиваются выводами в абсолютном конце, построенными типично. Ср.: *Идущее с самой вершины пирамиды власти умышленное попустительство ряду нарушений дисциплины являлось одной из отличительных особенностей поведения командиров и, следовательно, рядовых в силовых структурах сталинского СССР* (конец раздела 6 [Там же: 434]).

Второе. Негативно-оценочная характеристика партизан вводится на фоне образа мирного безоружного жителя Украины, ставшего жертвой. Семантический контраст жестокости и незащитности усилен тем, как номинируются жертвы террора в приведенных примерах. Это «верующие, дети от 14 лет и отпущенные из плена советские солдаты».

Нельзя не обратить внимание на то, что созданная языковая структура включает в действие механизм суггестивного влияния. Суггестия, как известно, связана с «нашептыванием», внушением адресату оценок и представлений без опоры на рациональные аргументы. Суггестия «работает» с аффективно-чувственной стороной восприятия, включает звуковые, просодические, интонационные коды, обеспечивающие «наведение на мысли». Специалисты отмечают, что особого рода суггестивное воздействие происходит, например, в художественно-поэтической коммуникации, когда ритм и звуковая организация поэтического языка «убаюкивают» и «завораживают» читателя. Аналогичный эффект создается в суггестивных текстах заговоров, гипноза, аутотренинга и прочих, основанных на особой ритмичности, повторяемости, настойчивости формулировок, механически воспринимаемых адресатом.

В описанных примерах из книги украинского историка действует тот же принцип суггестивного воздействия: через монотон-

ное, навязчивое, сотни раз повторяемое употребление негативных языковых единиц у читателя притупляется критическое рациональное восприятие материала и наступает эффект «промывки мозгов».

Третье. Отбор фактов, разоблачающих, по мнению автора книги, исторический миф о партизанском движении на Украине во время Великой Отечественной войны, имеет отчетливый односторонний характер. В описании не представлены иные, кроме выражающих негативную оценку, точки зрения на трагедию людей, вовлеченных в войну и поставленных перед необходимостью взяться за оружие. Книга не содержит комплексного анализа идеологических, психологических, социальных причин, по которым война приняла чудовищно ожесточенный характер. Разделы книги строятся по принципу перечисления противоправных проявлений «воинствующего сталинизма» без опоры на альтернативную точку зрения, в данном случае на современные российские исторические интерпретации, архивные свидетельства и т. п. Содержание строится исключительно по принципу черно-белого изображения, редукции альтернатив. Идет оценочное информирование, при котором «чужие» (советское партизанское движение) однозначно демонизируются (см. о стратегиях демонизации врага: [Молодыченко 2012]). Введение в историческое описание новых фактов — архивных документов, свидетельств очевидцев и т. п. — и описание этих фактов имеет целью не расширить объяснительный потенциал существующей теории.

Очевидная здесь цель — конструирование иной действительности, иного образа исторического прошлого. В этом случае факты, ткань событий, их текстура становятся производными от интенции автора текста — интенции, которая однозначно распознается адресатом: «представить партизанское движение в годы войны как преступное, бесчеловечное, кроважидное».

Отметим, что данный вывод является достоверным со стороны лингвистики, поскольку лингвист может делать и делает свои выводы о целях текста только с опорой на формы вербализации.

Общий вывод таков. Рассмотрение в аспекте языкового отражения политической проблемы способно направить к осознанию и, как следствие, к разрешению ряда методологических проблем. В практическом плане возможно говорить о выработке рекомендаций по противостоянию фальсификации истории и предотвращению провокаций политических конфликтов. Само по себе столкновение конфликтующих исторических

нарративов не является причиной возникновения политического конфликта и не сводится к нему, так же как и наличие противоположных исторических интерпретаций само по себе не сводимо к фальсификации истории. Политика вмешивается в историю и делает ее политизированной, когда вытесняется дискуссия о самих ценностях и причинах исторического плюрализма. Тогда готовая — такая и не другая — **оценочная интерпретация исторических событий** подменяет саму **историческую событийность**.

В гуманитарном знании вообще органично сосуществование и даже противопоставление альтернативных/различающихся интерпретаций действительности. В этом суть плюрализма гуманитарных дискурсов и собственно их эвристическая значимость для науки, когда в столкновении и сопоставлении многомерного субъектного отражения картины мира создается надличностная объективность.

Применительно к историческому знанию это означает естественное сосуществование нескольких объяснительных теорий. Например, есть история «как в учебнике», т. е. общепринятая версия, «ядро науки», освобожденное от предположительности и неокончателности суждений, и есть история, осмысляемая «здесь и сейчас», когда историческое описание сопровождается дискуссией, оценкой и осмыслением разных — других, многих — фактов. Научное историческое описание, имеющее вторую из названных структуру, потенциально эвристично, т. е. способно выходить за границы старого, уже известного знания и расширять объективные представления о действительности. При этом демаркационная линия, отделяющая новую (альтернативную) историческую интерпретацию от фальсификации истории, должна проводиться через соотнесение «новых» фактов и оценок со «старыми» фактами и оценками, уже существующими в историческом описании.

Еще точнее, показателем научности исторического описания следует считать его диалогичность и плюралистичность, выраженные в текстовой структуре принципом **«не вместо, но вместе с иным взглядом»**. Это должно давать возможность разграничить факты и их описание, прошлое и его оценку. Невозможность отличить одно от другого приводит к манипулятивному эффекту. Языковая «упаковка» исторических фактов способна направить их восприятие массовым читателем в политически нужном направлении. Вследствие этого возникают ксенофобия, шовинизм, нетерпимость ко всему чужому. Негативная интерпретация образа другого способна породить этниче-

ски мотивированное насилие — и это крайняя форма политического противостояния «национальных историй».

История обречена на плюрализм интерпретаций. Исторический плюрализм и необходимая многовариантность интерпретаций создают историческую достоверность. Они создают множественность смыслов в человекомерном описании истории. При этом актуализация исторических событий, перемещение их в фокус общественного интереса — ресурс для политики, политической власти и во многом для политиканства. Современная ситуация («здесь и сейчас») не всегда достигает той интенсивности, когда можно выделить «политического врага». А ведь именно разделение на чужих и своих, если снова вспомнить К. Шмитта, является движущим механизмом поддержания властных отношений. Политика может задавать истории свою динамику и плотность, необходимые для публичного столкновения с чужим, враждебным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вебер М. Политика как призвание и профессия // М. Вебер. Избранные произведения. — М., 1990. С. 689—706.
2. Гогун А. Сталинские командос. Украинские партизанские формирования. 1941—1944. — М.: Росспэн, 2012.
3. Золян С. Т. Между взрывом и застоём (постсоветская история как культурно-семиотическая проблема) // Логос: философско-литературный журн. 1999. № 9 (19). С. 80—86.
4. Коллингвуд Р. Дж. Идея истории. Автобиография. — М., 1980.
5. Лебедев С. А. [ред.]. Философия социальных и гуманитарных наук. — М.: Академический проект, 2008.
6. Мегилл А. Историческая эпистемология. — М.: Канон+, 2007.
7. Медушевская О. М. Теория исторического познания: избр. произведения. — СПб.: Университетская книга, 2010.
8. Нефедов С. Т. Прагматизация эпистемических модальных компонентов // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. Герцена. 2008. № 62. С. 36—43.
9. Чернявская В. Е. От анализа текста к анализу дискурса // Филологические науки. 2003. № 3. С. 68—72.
10. Чернявская В. Е. Идеология и нетолерантность в научном дискурсе // Стереотипность и творчество в тексте. — Пермь, 2012. С. 62—70.
11. Чернявская В. Е., Молодыхенко Е. Н. История в дискурсе политики: лингвистический анализ. — М.: URSS, 2014.
12. Чернявская В. Е. Лингвистика текста. Лингвистика дискурса. — М.: Флинта: Наука, 2013.
13. Küttler W., Rüsen J., Schulín E. (Eds.) Geschichtsdiskurs. Bd. 1. Grundlagen und Methoden der Historiographiegeschichte. — F/M, 1993.

Статью рекомендует к публикации д-р философии, проф. Л. Цонева